в малогабаритной квартире, ссорился с женою из-за того, что прокантовался в редакции до полуночи, жена думала — у сестры. Мы даже умрем по-разному: «Угас, как светоч, дивный гений, увял торжественный венок», посередь зимнего Петербурга, в окружении блистательных друзей и стечении плачущего народа. Я, скорее всего, в ночную пору тихо отойду в областном госпитале для инвалидов Отечественной войны, где сестры не берут денег за уколы и за судно, где устаешь слушать ослабелых умом и памятью людей, денно и нощно вещающих о небывалых подвигах. Подлинную войну они забыли, да и помнить не хотят, потому как подлинная была тяжкой, некрасивой. Не осуждаю я их даже за то, что перед смертью просят они не вынимать зубные протезы изо рта, чтоб выглядеть «красивей». Отныне им судья уже бог, но не люди. Я и сам ныне, чтоб выглядеть «красивше», почти ничего не пишу о войне, да и прежде мало писал, все боялся оскорбить память моих собратьев-пулеметчиков нечаянным хвастливым словом, неловким сочинительством и ложью — мера таланта не только мера мужества, но и мера правды. До понимания ее я, может, и дорос, но до глубинного осмысления и изображения — нет, и поэтому перестал вовсе бренчать на военную тему, ведь чем больше наврешь про войну прошлую, тем ближе сделаешь войну грядущую. Приближающемуся последнему часу и всем, кто придет проводить меня, я мог сказать, не отводя глаз: «Пускай я умру под забором, как пес, пусть жизнь меня в землю втоптала, — я верю: то бог меня снегом занес, то вьюга меня целовала!» И сотворю кощунство за божественно-ясноликим Блоком, процитирую себя, совсем еще провинциального: «А так ли прошли мои годы? А сколько осталось прожить? А много ли будет народу, когда понесут хоронить?» Немного. Но будет. И поплачут. И помянут, и перед смертью сам я всплакну строкой любимого поэта: «Жизнь моя, иль ты приснилась мне?»

Никого не кляну, никого не ругаю, а благодарю создателя за то, что даровал он мне радость творческого упоения и подсоблял в минуты колебаний и соблазнов жить по правилу, завещанному храбрым русским офицером и светлым поэтом Батюшковым: «Живи, как пишешь, пиши, как живешь».

Я не изведал того пламени, какой сжигал Лермонтова, Пушкина, Толстого, не узнал, каким восторгом захлебывались они, какой дальний свет разверзался пред ними и какие истины открывались им. Но мне тоже светил вдали огонек, звал, обещал удачу. Я тоже знавал, пусть и краткое, вдохновение, болел и мучился словом, и мои муки никому не ведомы, и моя радость сочиненной строкой, сотворением собственного чуда останутся со мною. Пускай не пламень, только огонь, даже отсвет его согрел и осветил мою жизнь, спасибо судьбе и за это. Спасибо и тебе, многотерпеливая бумага, и прости меня, лес живой — это из тебя, из живого сотворили мертвую бумагу, на которой, мучимый природным даром, я пытался оживить и лес, и дол, и горы, очиститься душою и чаял, всегда чаял, хоть немножко, хоть чуть-чуть помочь сделаться людям добрее.

Я донашиваю девятый протез и, как дождусь сына из армии, сменю госпитальную палку — такой вот странный зарок себе назначил. Сын будет донашивать уже вторую тельняшку, снятую с моего тела, бог даст, с живого. Дочка заканчивает десятый класс. Она похожа на сестру мою и статью, и характером — вылитая тетка! Но может, я это выдумал и хочу в это верить. Был я, между прочим, в Польше, отыскал пана Стаса. Он тоже инвалид войны. Обрадовался мне старик до беспамятства, как выходцу с того света. Живет пан Стас смирно и скудно. У него клочок земли на юге Польши, бедной прикарпатской земли, едва-едва кормящей семью: жену, очень молчаливую, дородную и работящую крестьянку, и двоих детей, которые уже собираются в Краков, «до научного заведения». Пан Стас просил, чтоб приехала до него дочь Зоська. И я пытался склонить ее к дальнему вояжу, но сестра моя выявила непреклонность: «Не хóчу! Мне хорошо достаточно нашу дорогую маму».

Надеюсь, после нечаянной моей исповеди о жизни и судьбе провинциального писателя тебе не надо повторять: «Если можешь — не пиши». Вот передо мной разноцветные кубики, рассыпанные по полу, словно перед малым дитем. На кубиках нанесены: аэропорт на Дальнем Востоке, ты и Люда, пенистый голубой ручей, две тельняшки, Зоська и жена, дочь и сын, любимая племянница, стол, заваленный бумагами и книгами. За окном оледенелая река, стиснутая горами, над горами прорезь зимней, ничего доброго не сулящей, йодисто-желтой зари; куда-то тянет самолет, воет собака у соседа, и где-то, за тысячи верст отсюда, заброшенный станок Карасино, потерянные его могилы. На севере все зарастает медленно, зато могилы теряются быстро — изопревшие в сырости надгробные знаки выталкивает мерзлотой. Давно уже нет могилы Мишки Еремеева, на земле все его забыли.

Как мне все это собрать «до кучи», как из всего этого «материала» выстроить сооружение под таким многообязывающим, под таким до дрожи, до оторопи пугающим словом «сочинение», да еще и «художественное».

Кабы я знал, кабы ведал.

СТРОГАЯ ЗАБОТА

«— Леш! Леш! Подь сюды! Полюбуйся! Че у нас есь-то. — И закатилась счастливым мелким смехом». А полюбоваться Леониду Сошнину предстояло внучкой бабки Тутышихи, и даже не самой внучкой, а костюмом, который той прислали родители.

«Откупились! Опять откупились от родного дитяти», — сморщился Сошнин». А вслух «как можно радостнее» сказал: «Поздравляю, Юлька, поздравляю! Тебе очень идет!.. Женихи железнодорожного поселка, да что там железнодорожного, всех поселков! Всех улиц и районов города Вейска считай что на шампур надеты! Шашлыки!»

Когда я прочитал про эти «шампур» и «шашлыки», по ассоциативной связи вдруг подумал о композиции романа. Принцип «шампура» в композиции не нов, когда отдельные эпизоды как бы нанизываются на какой-нибудь стержень. По этому принципу очень несложно сотворить роман, похожий на астафьевский. Выпиши «Литературку», читай регулярно вторую тетрадку, особенно внимательно — судебные очерки, затем придумай какой-нибудь «шампур» и нанизывай на него страшные истории.

Да, написать роман, «похожий» на астафьевский, довольно просто, но «похожий» — это вовсе не означает, что «такой же», а вот «такой же» написать невозможно. Поначалу мне показалось, что «шампуром» является незамысловатая жизнь бывшего милицейского работника Сошнина, на самом же деле «шампур» в романе — это авторское устойчивое настроение, которое формировалось самой жизнью, насквозь прожгло его судьбу и затем вновь ушло в самое жизнь. Поэтому-то я и сказал, что написать «такой же» роман невозможно, ибо для этого нужно было предварительно выстрадать и «Последний поклон», и «Кражу», и «Пастуха и пастушку»...

«Печальный детектив» не продолжение этих произведений, а развитие того устойчивого настроения, которое когда-то и сделало Виктора Астафьева писателем, казалось бы, вопреки складывающейся судьбе. Может быть, кому-то и покажется, что роман «Печальный детектив» слишком жесток, а автор равнодушен к чужому горю и к чужим бедам: с калейдоскопической быстротой рушатся семьи, бросают детей, совершаются всякие, в том числе и тяжкие, преступления, а автор вроде бы остается спокоен. Неужели тем же автором писались лирически-проникновенные «Последний поклон» или «Пастух и пастушка»? Но вспомним: уже и тогда он говорил самую страшную правду просто и обыденно.

Как говорится, нельзя дважды войти в одну и ту же реку, точно так же нельзя дважды встретиться с одним и тем же человеком. Река постоянно наполняется новой водой, а человек — новыми чувствами, новыми мыслями, новыми сомнениями.

В повести «Кража» В. Астафьев заметил, что детское горе отлетчиво. Писательское «детство» не совпадает с детством физиологическим, оно приходится на более позднюю пору. В писательском «детстве» горе тоже отлетчиво. За плечами автора «Последнего поклона» уже стояло весьма нерадостное прошлое: сиротство, беспризорность, детдомовщина, фронт, ранения, неустроенная послевоенная жизнь... Потянуло Астафьева к перу, к чистому листу бумаги, и вдруг озарилась вся прежняя жизнь каким-то светом, идущим из нерастраченной, как оказалось, души. Пишутся заметки, очерки, первые рассказы... И появляется, опровергая неумолимость быстротекущего времени, образ незабвенной бабушки Катерины. Есть и в «Печальном детективе» образы, на которых лежит печать глубокой авторской симпатии, но все-таки никого из них нельзя сравнить по неизбывной душевной щедрости с бабушкой Катериной...

...Давайте попробуем подойти к литературному произведению не от литературы, а от нашей обыденной повседневности.

Умная природа заложила в нас вечный инстинкт взаимопритяжения людей разных полов, а детство и затем взросление человека тянется так долго, что невольно для продления рода человеческого необходима как естественная среда обитания — семья. И в конце своего «Печального детектива» Виктор Астафьев впрямую выходит на эту, видимо, по причине своей простоты так часто забываемую мысль: «Муж и жена... Муж с женою. Женщина с мужчиной, совершенно не знавшие друг друга, не подозре-

вавшие даже о существовании живых пылинок, вращающихся вместе с Землею вокруг своей оси в непостижимо громадном пространстве мироздания, соединились, чтоб стать родней родни, пережив родителей, самим испытать родительскую долю, продолжая себя и их».

Возможно, иных смутит то обстоятельство, что Виктор Астафьев, всегда отличавшийся особой чуткостью к женщине, на сей раз изменил себе и сатирически изобразил некую деятельницу от культурного фронта Октябрину Сыроквасову и нескрываемо натуралистически — местную алкоголичку «Урну». Нет, писатель ничуть не изменил себе. Вспомним хотя бы проходные персонажи из его давней повести «Кража» — инспектора гороно Нелилу Хлобыст и завгороно Голикову, о которых другой персонаж повести, Ступинский, думает так: «Если этим дамочкам власть да волю, они устроят смех да горе». Думается, в отношении смеха тут выказан был излишний оптимизм.

В «Печальном детективе» В. Астафьев вновь возвращается к этому опасному в современной жизни типу женщин, стремящихся непременно уподобиться мужчинам. Мы довольно часто и не всегда обдуманно ратуем за уравнение женщины с мужчиной, видя в этом непременный прогресс общественного развития, забывая, что мужчина далеко не в каждом случае являет собою идеальную человеческую личность. «Урна» как раз и уподобилась вполне реальному типу мужчин, который в женской интерпретации еще более ужасен и отвратителен.

Издательский работник Сыроквасова, как и «Урна», напрочь заглушила в себе все женское, она вся ушла в видимость работы (тоже своего рода алкоголизм), полагая, будто двигает культуру, хотя на самом деле только профанировала ее. Чем-то напоминает ее и теща Сошнина, женщина энергичная, напористая, всю жизнь провыступавшая и тоже, по ее мнению, двигавшая какой-то прогресс.

Работа часто требует одной лишь профессиональной увлеченности, семья требует прежде всего души. В своем финальном публицистическом отступлении В. Астафьев продолжает развивать главную мысль романа: «От родителей-то они были переданы друг дружке всяк со своей жизнью, привычками и характером — и вот из разнородного сырья нужно слепить ячейку во многовековом здании под названием Семья, как бы вновь на свет народиться... пройти вместе до могилы, оторвать себя друг от дружки с никому не ведомым горем и страданием».

Обратите внимание. Во всем пространном отступлении только два слова автор написал с прописной буквы: «Земля» и «Семья». З е м л я — это наш всеобщий человеческий дом, где каждый находит свое начало и свой конец, вне этого дома нет нас и быть не может, а что вне его, то лежит вне нашего разума и вне нашей памяти. С е м ь я — начало человеческого общежития, народа, государства и всего человечества в целом. В подсознании семьи лежит природный инстинкт, в сознании — духовные связи.

Мы сейчас много говорим о создании всевозможных структур, однако нас одновременно неодолимо тянет к расструктуриванию главнейших естественных структур. Нам хорошо известно, как много гибельной энергии выделяется при расщеплении атома, но нас здесь почему-то не останавливают никакие опасности. При расщеплении семьи тоже выделяется громадное количество дурной энергии, которая сходна по своему действию с радиацией в непредсказуемости последствий и их учета. А что мы делаем для укрепления семьи?..

Ведь не для того привел Виктор Астафьев в своем романе различные жуткие эпизоды, чтобы попугать нас, а чтобы задуматься о причинах вроде бы немотивированного озверения некоторых людей в условиях мирной жизни. Отчего эта ненависть к себе подобному? А оттого, что не воспитана была любовь к нему.

Человечество уже приуготовило себе погибель и з в н е, ядерная катастрофа способна уничтожить наш общий дом — Землю, и вопрос: «быть или не быть?» — приобрел уже вселенский характер, но человечество подстерегает опасность и с другой стороны, и з н у т р и. Саморазложение Семьи ведет к истончанию и полному отмиранию человеческих связей, без них каждый в каждом станет видеть лишь врага, природный инстинкт самосохранения возьмет верх над коллективным разумом, человечество превратится в дикую массу, где каждый найдет свою неотвратимую гибель.

«Династии, общества, империи, — заключает свое отступление автор «Печального детектива», — не создавшие семьи или порушившие ее устои, начинали хвалиться достигнутым прогрессом, бряцать оружием; в династиях, империях, обществах вместе с развалом семьи разваливалось согласие, зло начинало одолевать добро, земля разверзалась под ногами, чтобы поглотить сброд, уже безо всяких на то оснований именующий себя людьми».

И здесь голос Виктора Астафьева несется не с заоблачных философских высот, а из самой нашей жизни. Голос его печален, но в нем нет пессимистических нот, в нем слышатся тревога и надежда.

Как врач, утративший чувство милосердия, одновременно теряет моральное право на врачевание, так и писатель, утративший всякую надежду, теряет право на читательское внимание. Голый профессионализм безнравствен и в том и в другом случаях одинаково. На кого же возлагает надежды немолодой писатель Виктор Астафьев? На более молодого своего героя Леонида Сошнина. Однако авторские надежды связаны не с его милицейским свистком и грозным пистолетом, а с его неодолимой потребностью понять причины той страшной изнанки жизни, которую он, не поддавшись отрицательной романтике своей профессии, так хорошо познал, и, главное, уяснил, что свисток и пистолет требуются уже тогда, когда запоздало борешься со следствием, причина которого таится там, где вторжение представителя правопорядка вроде бы и преждевременно.

Ранее мы говорили, что астафьевская бабушка Катерина как бы выше тех симпатичных героев, которых В. Астафьев вывел в своем «Печальном детективе», но мы тогда вовсе не задавались целью кого-то кому-то противопоставлять. Давайте теперь попробуем перенести бабушку Катерину из далеких тридцатых годов в наши дни и поставим ее хотя бы на место бабки Тутышихи и вернемся к той сцене, когда Сошнин должен был подивиться новому Юлькиному наряду. Следует заметить, что В. Астафьев крайне редко проявляет особое усердие в описании туалетов своих героев, однако на сей раз, разумеется не из прихоти, а из желания убедить нас в том, что повод к удивлению был на самом деле, описывает родительский подарок весьма тщательно.

Действительно, подивиться было чему: столько выдумки и старания вложили люди, чтобы создать подобное. И разве могла бы со всем этим тягаться бабушка Катерина с самодельными штанами («Монах в новых штанах») или пряником, который конем («Конь с розовой гривой»)? Ей бы тоже ничего другого не оставалось, как хихикать наподобие бабки Тутышихи.

Не стану делать вид, будто я не заметил, как автор «Печального детектива» несколько иронизирует по поводу Юлькиного наряда и ее восторгов, бог с ним, с этим нарядом, давайте лучше посмотрим, как говорится, окрест себя.

Поразительные метаморфозы: обычные, обиходные вещи изменились до неузнаваемости — все настолько красиво, изящно, аж дух захватывает. И тянутся люди к вещам, вернее, уж не люди тянутся к вещам, а вещи тянут к себе людей, и притяжение это почти неодолимо. Особенно не поспоришь с импортными вещами. Впрочем, я как-то не по-современному обобщаю: импортные. Это понятие устарело, нынче каждая вещь при паспорте, а в паспорте после слов «made in» проставлена национальность вещи. Люди как бы теряют постепенно свою национальность, а вещи закрепляют ее за собой.

Не подумайте только, что я ратую за опрощение, сами красивые вещи меня не пугают, пугает другое: диспропорция между совершенствованием вещей и совершенствованием человека. По каким таким законам общественного развития вещи перехватывают у нас и культуру и эстетику? Ведь отдели ту же Юльку от ее вещей, и ее самоценность станет равна нулю, ей ведь даже в голову не залетит мысль о возможности собственного совершенствования как личности, все свое совершенствование она сводит к приобретению постоянно совершенствующихся вещей. А ведь пройдет совсем немного времени, и этой самой Юльке доверят воспитание ребят дошкольного возраста, возраста, когда открывается человеку мир. Боже, что же она им откроет?

Помните, как еще в школе мы смеялись над невежеством наших пращуров, считавших, к примеру, что Земля покоится на слонах или китах, и мы смеялись от души, с чувством собственного неоспоримого превосходства, так, будто это мы сами открыли, что Земля имеет форму шара да еще вдобавок и крутится. Смех, конечно, дело хорошее, если он уместен, но в нас, к сожалению, возбуждали смех неуместный, ибо он порождал в нас не пытливость и любознательность, а уверенность, что мы познали все истины в их окончательном виде.

Звенели последние школьные звонки, пролетали годы, забывались скудные школьные знания, но вот принцип, что мы умнее тех, кто жил до нас, оседал в душе прочно, навсегда. Потом нам становилось совершенно безразлично, крутится она или не крутится, а принцип продолжал работать.

Чуть-чуть пооперились и уже: ах, как смешно рассуждают бабушки и дедушки, боже, какие они смешные и нелепые. Чуть-чуть еще пооперились, и уже то же самое — по отношению к родителям. Но и в самих родителях жив тот же принцип, и потому

они так быстро капитулируют: «Да, да, конечно, мы устарели и многого теперь не понимаем, молодежи виднее...»

А как мы дружно смеялись над «Домостроем», смеялись до ненависти, даже татаро-монгольское нашествие не оставило в наших душах такого прочного протеста, как «Домострой». Не знаю того греха, который считался бы более тяжким, нежели хотя бы намек на приверженность к «Домострою». Нет, не на школьной скамье, а значительно позже довелось мне ознакомиться с этим злосчастным документом. Признаюсь в тайном и великом грехе: почему-то смешным он мне не показался, и засела в голове одна фраза: «Да уноровит жена мужа». Не «ублажит», а именно: «уноровит». Блажь — это праздное и мимолетное желание, а норов — это характер, величина устойчивая, и с ней не считаться опасно. Ведь отдых нужен не только телу, но и душе, тело способно отдохнуть и на стороне, а душа отдыхает лишь тогда, когда отдыхает характер, а где, как не дома, может отдохнуть весь человек, ломающий свой характер по разным надобностям на разных службах и работах?

Предвижу вопрос: «А почему именно жена должна уноровлять, а не муж?» Нынче этот вопрос звучит резонно. Действительно, положения «Домостроя» давно устарели и взятые в отдельности могут сегодня показаться и смешными, если не учитывать тех задач, которые в конкретных исторических условиях ставили перед собой его авторы. Тогда жена не покидала стен родного дома, теперь жена наравне с мужем работает «на стороне», а дом — место для их общего отдыха. Так, во всяком случае, должно быть. И почему мы то вскрикиваем: «Берегите мужчин!», то ответно восклицаем: «Берегите женщин!», но почему-то редко призываем «Берегите семью!» Да все из того же страха, что нас могут уличить в приверженности к «Домострою».

Кидать камни назад, в прошлое — дело не очень-то мудреное, прошлое безответно. Но вы возьмите хотя бы спорт, там все метательные снаряды из чувства здравого смысла и личной безопасности все же швыряют не назад, а вперед. Мы же нередко с упорством бросаем и бросаем камни назад. Глядишь, сорвется какой и угодит тебе же в голову.

Раньше под словом «домострой» подразумевалось строительство дома, а под домом в первую очередь подразумевалась семья, то есть в переводе на нынешний наш язык это слово должно звучать так: «Семьестроительство».

Возможно, мне скажут: «Человек вырвался в космос, а вы все толкуете о какой-то семье, вспоминаете древние времена...» Вот-вот, это-то меня и пугает; центробежные силы получили в наш век такое развитие, что в любой момент и все человечество может «вырваться» в космос. Причем навсегда. И это, к сожалению, не фантазия, а та вполне реальная перспектива, о которой нам напоминают каждый день.

Борьба за мир — не только борьба против войны, это еще и строительство такого мира, когда каждый увидит свою зависимость от каждого, когда каждый почувствует себя не автономной самосознающей биологической единицей, противостоящей всей остальной массе, а частью своего города (деревни), частью своего народа, частью своей страны, частью всего человечества, наконец, частью всего того мира, в котором мы обитаем.

Человек непременно связан с другими духовными связями, они-то и составляют истинное содержание жизни человека. Оборванные связи продолжают жить болью, с годами боль накапливается, поэтому с годами мы и говорим о боли души как о реальной боли. Вот этой реальной болью и писался «Печальный детектив». Роман создан на сугубо бытовом материале, но это не бытовой роман; а в т о р с к о е у с т о й ч и в о е н а с т р о е н и е сфокусировало многие подробности современной жизни в прожигающий луч, он-то так больно и жжет наши чувства и разум...

Некоторые упрекают В. Астафьева в том, что он не очень-то уважительно в своем новом романе отзывается о русском характере. Что ж, если самокритика обеспечена глубокой и выстраданной личной болью, а самозащита — одной лишь амбициозностью, то я лично за самокритику.

Вспомним письмо Федора Абрамова своим землякам, опубликованное сначала в районной газете, а потом в «Правде». Иные тогда почувствовали себя задетыми, даже оскорбленными. Я же считаю так: если письмо Ф. Абрамова рассматривать лишь как укор своим собственным землякам — то он не прав. Если же его рассматривать как обращение к народному сознанию — то он прав.

Точно так и роман В. Астафьева. Если усмотреть в романе выпад против интеллигенции или против собственного народа, тогда можно не только понять, но и разделить обиду части читателей. Если же роман «Печальный детектив» рассматривать как

обращение ко всему народу, как национальную самокритику — то писатель прав. На это Виктор Астафьев имеет моральное право, ибо он относится к категории тех наших художников, которые, не пережив поста, не станут праздновать Пасху.

В финале романа «Печальный детектив» Виктор Астафьев усаживает своего героя к чистому листу бумаги, как бы благословляя его на тяжелый писательский труд. В рассказе «Тельняшка с Тихого океана» он настойчиво отговаривает героя от литературных занятий, однако в этом настойчивом и в то же время деликатном отговаривании слышится скорее предостережение от облегченного взгляда на писательскую миссию. И не случайно финал рассказа «Тельняшка с Тихого океана» заканчивается признанием в собственном бессилии перед задачей, которую ставит жизнь перед литературой.

Тема преемственности живого народного с л о в а издавна не давала покоя писателю Виктору Астафьеву, отчетливо она прозвучала еще в рассказе «Ясным ли днем» (пусть речь там шла о песне, а не о писательстве), сегодня эта тема звучит в произведениях В. Астафьева и более открыто, и более тревожно.

Вначале было Слово. И как важно, чтобы предшествующее делу слово заключало в себе истинный смысл и чистую цель предстоящего дела.

Анатолий Ланщиков

Виктор Петрович Астафьев

ПЕЧАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

ТЕЛЬНЯШКА С ТИХОГО ОКЕАНА

© Иллюстрации художника В. Сафронова

Редактор *С. Гладкова*

Художественный редактор *А. Максимов* Технический редактор *Л. Изгаршева*
Корректоры *Н. Сидорова, Т. Замятина*

Сдано в набор 05.12.86. Подписано в печать 21.01.87. А 03712. Формат 84×108 1/16. Бумага газетная. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,98. Уч.-изд. л. 9,01. Тираж 2 500 000 экз. (2-й завод 500 001—2 500 000 экз.). Заказ 391. Цена 79 к.
Адрес редакции: 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19
ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература».

Набрано и сматрицировано в ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградском производственно-техническом объединении «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.
Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Чеховском полиграфическом комбинате ВО Союзполиграфпрома Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Чехов Московской обл. Зак. 3522

СТРАНИЧКА ЧИТАТЕЛЯ

Читатель Р. В. Сулейманов из села Воскресенка Донецкой области просит нас опубликовать исторические романы С. Бородина «Дмитрий Донской» и «Звезды над Самаркандом», а читательница А. А. Васильева из деревни Никитино Марийской АССР — роман Ю. Германа «Россия молодая».

Уважаемые товарищи! «Роман-газета» переиздает большим тиражом новинки художественной прозы. Роман С. Бородина «Дмитрий Донской» в свое время (в 1942 году) уже был опубликован в «Роман-газете». Романы же «Звезды над Самаркандом» и «Россия молодая» впервые вышли в пятидесятые годы, после этого многократно переиздавались.

Учитывая большой интерес читателей к прошлому нашей родины, редакция ежегодно включает в план исторические романы.

87-14
Книжный магазин № 9
Кв. №
Цена 0 р. 70 к
И
№ 9 № 1
РОМАН-ГАЗЕТА 5
70782